

Методологические принципы исследования информационных материалов в судебной психологической экспертизе

 Т.Н. Секераж

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основные методологические принципы психологического исследования информационных материалов, применяемые при производстве судебно-психологической экспертизы нового направления, которое нормативно утвердилось в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России в 2017 году. Базисом направления стала общая методология судебной психологической экспертизы, глубоко проработанная Ф.С. Сафуановым. Вместе с тем особенности объектов (информационных материалов и коммуникации, включенных в социальную деятельность и поведение человека, которые подвергаются правовой оценке и могут быть признаны преступными) и предмета исследования (криминалистически и юридически значимых особенностей информационных материалов) обуславливают ряд собственных методологических принципов, методов и процедур их применения. Это отличает исследование информационных материалов от исследования психической деятельности подэкспертных лиц (обвиняемых, потерпевших, свидетелей) в юридически значимый период.

Отмечена связь психологического исследования информационных материалов с общей методологией судебной психологической экспертизы, при этом определены особенности, обусловленные межпредметными связями нового рода судебной экспертизы с другими науками и практическими экспертными задачами. Описаны основные подходы к психологическому исследованию информационных материалов: системно-структурный, деятельностный, феноменологический и герменевтический, а также уровневый, коммуникативный, качественный и дискурсивный анализ.

Ключевые слова: *судебная психологическая экспертиза, психологическое исследование, информационные материалы, судебная экспертология, методологические принципы, системный подход, качественный подход*

Для цитирования: Секераж Т.Н. Методологические принципы исследования информационных материалов в судебной психологической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 26–39. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-26-39>

Methodological Principles of Information Materials Research in Forensic Psychology

 Tat'yana N. Sekerazh

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses the basic methodological principles of psychological analysis of information materials applied during the forensic psychological examination of a new direction established in the system of forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia in 2017. The foundation of the direction is the general methodology of forensic psychological examination, deeply elaborated by F.S. Safuanov. At the same time, the features of objects (information materials and communications included in social activities and human behavior that are subject to legal assessment and can be recognized as criminal) and the subject of research (forensically and legally significant features of information materials) determine the number of particular methodological principles, methods, and procedures for their application. These distinguish the study of information materials from the study of the mental activity of investigated persons (accused, victims, witnesses) during the legally significant period.

The author notes a connection of psychological research of information materials with the general methodology of forensic psychological examination. At the same time, methodological features are determined due to the interdisciplinary connections of a new kind of forensic examination with other sciences and practical expert tasks. Next, the article describes the main methodological approaches of psychological research of information materials: system-structural, activity-based, phenomenological, and hermeneutic, as well as level, communicative, qualitative, and discursive analysis.

Keywords: *forensic psychology, psychological examination, information materials, forensic expertology, methodological principles, systematic approach, qualitative approach*

For citation: Sekerazh T.N. Methodological Principles of Information Materials Research in Forensic Psychology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 26–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-26-39>

Введение

Методология в широком смысле есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах какой-либо деятельности. Применительно к научному познанию она представляет собой учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности¹.

Методология – одна из центральных категорий общей теории судебной экспертизы [1, с. 186–190; 2, с. 79–80], судебной экспертологии [3, 4] и частных теорий судебной экспертизы различных родов. Общая методология судебной психологической экспертизы (СПЭ) [5, 6] явилась основой нового направления – психологического исследования информационных материалов (ИМ).

Особенности объектов (ИМ и коммуникации, включенных в социальную деятельность и поведение человека, которые подвергаются правовой оценке и могут быть признаны преступными) и предмета исследования (криминалистически и юридически значимых особенностей информационных материалов) обуславливают ряд собственных методологических принципов, методов и процедуры их применения. Это отличает исследование ИМ от исследования психической деятельности подэкспертных лиц (обвиняемых, потерпевших, свидетелей).

Значение методологии экспертного исследования конкретного рода трудно переоценить, поскольку она направлена на изучение, совершенствование и конструирование методов и методик, «определяет, какие подходы и принципы необходимо использовать для того, чтобы создание теории, разработка методов и функционирование

практики были корректными, эффективными и приводили к достоверному решению задач, сформулированных теорией» и востребованных правоприменением [1, с. 189], способствует повышению научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы [7].

Целью настоящей работы является представление основных методологических принципов и подходов судебной психологической экспертизы информационных материалов.

Методологические подходы к судебно-психологическому экспертному исследованию

Уровни методологического знания составляют: философская методология, общенаучные принципы и формы исследования, конкретно-научная методология, методика и техника исследования [8]. Таким образом, понятия «методология», «метод», «методика» и «техника» взаимосвязаны и включены в единую систему.

Метод познания, наряду с объектом и предметом исследования, указывает на сферу знаний, в рамках которой происходит познание, и, соответственно, определяет род (вид) судебной экспертизы и экспертную специальность [9, с. 162]. Применительно к СПЭ информационный материал является объектом исследования, а предметом – особенности этого материала, имеющие психологическую природу (аспекты коммуникации), т. е. психологические феномены различных коммуникативных (речевых и неречевых) действий субъекта, имеющие юридическое значение. Такие особенности познаются и выявляются с помощью психологических методов исследования коммуникативной (информа-

¹ Спиркин А.Г., Юдин Э.Г. Методология / Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. <https://rus-bse.slovaronline.com/48048-Методология>

ционно-коммуникативной) деятельности и поведения человека.

Исходя из принципа сравнительного экспертоведения [3, с. 56–61] психологическое исследование ИМ базируется на общей методологии СПЭ, а также на методологии исследования речи, коммуникации в общей и социальной психологии и смежных науках [10].

Рассмотрим основные положения и принципы психологического исследования информационных материалов.

Системный подход

Данный подход определяет исследование объектов и явлений как системы во взаимосвязи их частей и элементов.

Коммуникация представляет сложную систему, в связи с чем элементы коммуникации (имеющие юридическое значение) не могут исследоваться изолированно от нее. Объект исследования (ИМ) тоже обладает целостностью, а составляющие его элементы и их связи – многообразием свойств. Интенции говорящего нельзя выявить на основании анализа только фрагмента его речи, необходимо получить данные о всей совокупности интенциональных составляющих, проявленных в исследуемом материале (речи, тексте). Кроме того, интенция может быть выражена не в одном высказывании или предложении, а в целой фразе, нескольких абзацах.

Два основных аспекта – системность коммуникации и системность самого объекта исследования – определяют необходимость исследования объектов экспертизы как системы, либо как элементов системы без отрыва от нее. Исследование какого-либо явления как системы (совокупности образующих ее элементов) предполагает установление взаимодействия составных частей или элементов этой совокупности, несводимость свойств целого к свойствам отдельных частей.

Системность должна быть свойственна и взглядам эксперта на изучаемый предмет и его подходу к исследованию – системному видению коммуникации, а также совокупности используемых им методов. Следовательно, эксперт в своей деятельности должен реализовывать как системный подход, так и системный метод.

Структурный подход

Коммуникация, элементы которой (коммуникативная деятельность субъекта в

целом, коммуникативные действия, цели и др.) подлежат исследованию и установлению, имеет определенную структуру.

Во-первых, это структура коммуникативной ситуации, в которой осуществляется коммуникативная деятельность. Структурными элементами коммуникативной ситуации являются ее участники (коммуникатор/реципиент или адресант/адресат), само передаваемое сообщение (имеющее смысл), каналы и средства коммуникации (устная/письменная, аудиальная/визуальная/аудиовизуальная, непосредственная/опосредованная и др.), уровень коммуникации (межличностный, публичный, массовый) и коммуникативное поле, в котором находятся участники, а также различные коммуникативные барьеры².

Во-вторых, объекты исследования (ИМ) как единство внутреннего (содержательно-смыслового) и внешнего (формально-языкового) плана, по А.А. Леонтьеву, также обладают структурой – как определенной упорядоченностью элементов (внешней, или формальной), так и смысловой организацией (внутренней). Структура имеет различные уровни: логический, жанровый, информационный, содержательный, смысловой [11]. От стиля и жанра материала зависит его внутренняя организация, которая неодинакова в художественных и нехудожественных (научных, публицистических) текстах.

В-третьих, имеет структуру и коммуникативная деятельность субъекта, которая схематично включает цепочку «субъект – объект – мотив – цель – средства – процесс (действия) – результат». Это помимо структурного подхода определяет актуальность деятельностного подхода. В совокупности системный и структурный подходы образуют *системно-структурный подход*.

Деятельностный подход

Речевая и коммуникативная деятельность субъекта психологически характеризуется предметным мотивом и целенаправленностью, содержит цель, действия, операции (как способы выполнения действий), продукт (как результат деятельности) и личностные установки [12, 13]. Данный процесс всегда реализуется в несколько этапов: ориентировка, планирование, воплощение плана (при этом постоянно контролируются его промежуточные результаты).

² Схему коммуникации см., например: [14, с. 5–6].

Деятельностный подход позволяет исследовать коммуникативную деятельность (а также речевую деятельность, текстовую деятельность [15]) как *осознанную, мотивированную*, то есть психически регулируемую предметную и *целенаправленную* социально регламентируемую активность субъекта, опосредствующую его связи с окружением. Текст или иной информационный материал являются продуктом, результатом и образом этой деятельности.

Механизмы регуляции речевой деятельности и речевого поведения различны: категория *деятельности* используется для описания нереактивных процессов, характеризуется с точки зрения осознанности³ и позволяет описывать любое конкретное проявление активности человека с учетом ее внутренней и внешней детерминации [16]. Термин «поведение» характеризует процессы реактивного характера, ситуационно детерминируемой и стимулируемой активности. По сравнению с деятельностью поведение менее осознанно, более зависимо от индивидуальных стереотипов и личностных особенностей, а также более спонтанно. Оно представляет собой функцию взаимодействия личности с ситуацией, включает стереотипные, привычные действия.

Уровень мотивации и соответствующая ей мера осознанности мотивов действия и акта поведения являются критериями дифференциации деятельности и поведения. Чем меньше опосредующих факторов между стимулом и ответом на него, тем ниже предполагаемый уровень осмысления предмета мотивации. Это различие дало основание констатировать разность природы таких подвидов коммуникативной активности человека, как «текстовая деятельность» и «языковое (речевое) поведение» [15].

Деятельностный подход включает *принцип единства сознания и деятельности*. Цель как осознанный образ результата действий относится к сфере сознания автора информационного материала, а его действия по достижению этой цели – к сфере деятельности. Законодательные нормы, регулирующие речевые и коммуникативные действия, содержат как смысловые составляющие (содержание и значение информационных материалов), так и деятельностные (направленность материала [речи]

на достижение определенного результата). Образ конечного результата деятельности, а также ее цель находятся не вне, а внутри структуры этой деятельности. Следовательно, замысел автора отражается в тексте (речи) и может быть выявлен при его анализе.

Целевая составляющая информационного материала – то, почему и для чего он создается или публикуется (обнародуется) – в совокупности с условиями его использования (коммуникативной ситуацией) задает общую направленность материала. Именно эта направленность и может быть выявлена в ходе психологического анализа. По своей сути такой анализ является целевым или *мотивационно-целевым*, поскольку направлен на установление выраженной в речи и коммуникативных действиях субъекта психологической мотивации и цели его деятельности.

Таким образом, цель автора всегда выражена в тексте (информационном материале) или коммуникативной ситуации и может быть установлена при исследовании. Говоря о цели и мотиве, мы всегда имеем в виду не правовые понятия, а психологические и экспертно-психологические – цель коммуникативную, а не цель правонарушения, мотив – психологический.

Уровневый анализ

Человеческая деятельность и общение имеют уровневую организацию. В большей мере этот принцип относится к исследованию условий коммуникации и коммуникативного пространства, результаты которого дают информацию об уровне регуляции коммуникативной активности автора. Например, «экстремистские» материалы производятся или обнародуются в основном в социальной структуре общества, куда индивид включается через освоение идеологических и культурных ценностей, и где реализуются ценностные ориентации личности.

Денис МакКуэйл (Denis McQuail) описал шесть уровней процесса коммуникации (рис. 1, [17, с. 18]):

- 1) внутриличностный (коммуникация для себя, на этом уровне индивидуум обрабатывает информацию);
- 2) межличностный (уровень общения в диадах, например, в супружеских парах);
- 3) внутригрупповой (взаимодействие в семейном кругу);
- 4) межгрупповой (коммуникация в локальных сообществах);

³ Рассматривается как осознанное стремление к разрешению проблемных жизненных и социальных ситуаций.

Рис. 1. Пирамида коммуникации по МакКуэйлу [17, с. 18]
Fig. 1. Communication pyramid (McQuail D., 2010, [17, p. 18])

5) институциональный/организационный (политическая система, коммерческая фирма);

6) социетальный (общество в целом, массовая коммуникация), в том числе транснациональный и трансграничный.

Вместе с тем автор отмечает, что на данный момент коммуникация уже не имеет четкой структуры, она «размывается растущей “глобализацией” общественной жизни и появлением новых “гибридных” (одновременно общественных и личных) средств коммуникации, для которых совсем не обязательны факторы личного знакомства между людьми или проживания на одной территории. Если в прошлом можно было говорить о том, что каждому уровню коммуникации соответствует то или иное средство (телевидение занимало верхний уровень, пресса и радио – уровень региона или города, телефон и почта были характерны для уровня организации), то теперь сеть Интернет может поддерживать коммуникацию любого уровня. Этот процесс идет не только по горизонтали, но охватывает и вертикальные уровни пирамиды» [18].

К исследованию ИМ, речи участников коммуникации необходимо подходить ис-

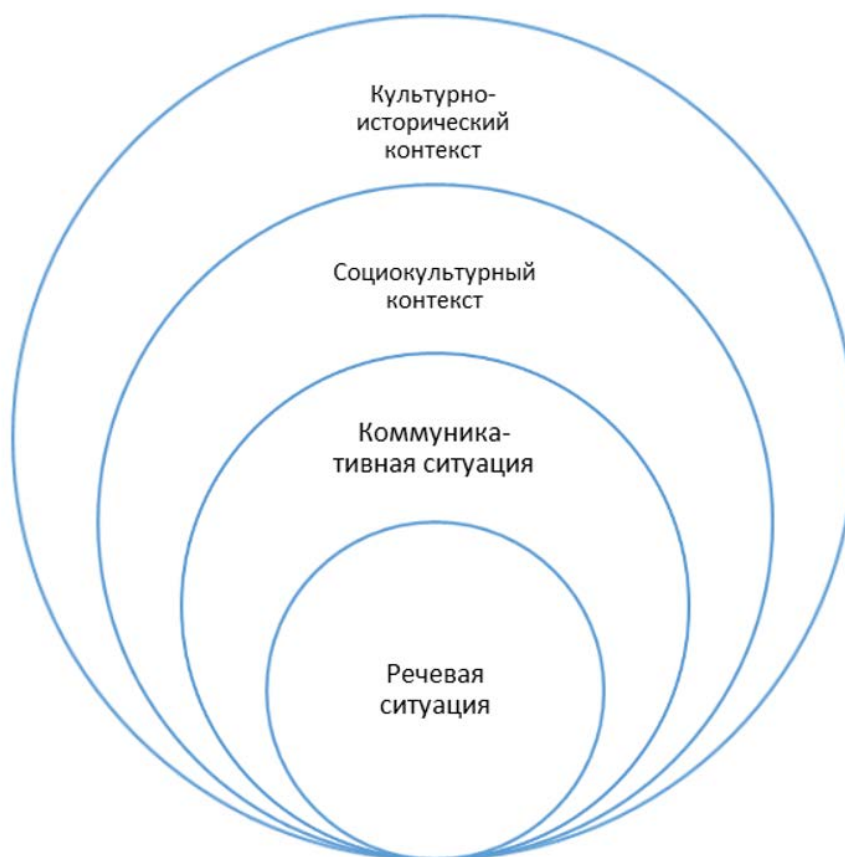
ходя из особенностей той сферы, в которой они используются и частью которой являются.

Уровневая организация присуща и структуре коммуникативной ситуации с элементами макро- и микроуровня коммуникативного и социокультурного контекстов (рис. 2). В исследованиях коммуникативного воздействия применяется структурно-уровневая модель, построенная по принципу иерархичности [19, с. 38–42].

Коммуникативный анализ

Психологическое (социально-психологическое) исследование информационного материала основывается на том, что его порождение и использование в человеческой практике имеет психологическую природу и всегда происходит в определенных социальных, социокультурных и культурно-исторических условиях. ИМ включен в обмен информацией, коммуникацию, социальную деятельность субъектов. Поэтому рассматривать его как элемент коммуникации возможно только в ее контексте, что обуславливает необходимость анализа коммуникативной ситуации на различных уровнях контекста: микро-, мезо- и макросоциаль-

Рис. 2. Уровни исследуемого контекста
Fig. 2. The levels of the investigated context

ном. Этот принцип также именуется контекстуальным.

«В отечественной психологии понятие контекста рассматривается в соотношении с принципом системности, сформулированным Б.Ф. Ломовым; контекст получает статус смыслообразующей категории – как система внутренних и внешних факторов и условий поведения и деятельности человека, влияющих на особенности восприятия, понимания и преобразования конкретной ситуации, определяющих смысл и значение этой ситуации как целого» [20, с. 69–70 – цитируется по 21, с. 6].

Качественный подход

Данный подход в социальной психологии включает методы сбора качественных данных⁴ и методы их качественного анализа. К последним относят тематический и контент-анализ, феноменологический анализ, подход «обоснованной теории», анализ разговорной речи (конверсационный анализ),

нарративный и дискурс-анализ, психоанализ и визуальный анализ [22, с. 23]. «Качественные методы сбора и анализа данных в психологии, образующие сегодня единый методологический подход (так называемый интеллектуальный стиль исследования), позволяют раскрыть эмоционально-смысловые отношения человека и мира, личности и общества, пациента и врача, клиента и терапевта» [там же].

При психологическом исследовании ИМ с целью установления их смысловой, социально-психологической направленности, коммуникативных статусов участников взаимодействия, их коммуникативных намерений, отраженных в общении социальных представлений и иных явлений как коллективного, так и индивидуального сознания количественные методы практически неприменимы, а методология познания основана на качественных методах и методиках. Такие методы представляют собой «стратегии или процедуры познания, направленные на определение значений и смыслов, которые отдельный человек и группа людей придают различным предметам, действиям

⁴ «Качественные данные – это любой тип вербальной (тексты) или визуальной (изображения) информации» [22, с. 22].

и событиям окружающей жизни» [там же, с. 22].

Концептуальным инструментом качественного анализа является интерпретация как способ реконструкции психологической реальности, а принцип интерпретации (*интерпретативной реконструкции*) – основанием для всего комплекса аналитического инструментария [23]. Интерпретация – это не выражение субъективного отношения к фактам, а процесс конструирования значений, который Т.И. Ойзерман определил как «исследовательский поиск связи наблюдаемых явлений друг с другом и с другими явлениями, существование которых признается или предполагается на основании имеющихся данных» [24 – цитируется по 21, с. 9].

Из уровней интерпретации эксперту в меньшей мере подходит уровень эмпатически-описательный, и в большей – критически-герменевтический, «предполагающий углубленное понимание феномена с опорой на уже существующие теоретические традиции и перспективы» [20]. Авторы книги «Системная организация и детерминация психики» видят выход из проблемы валидности интерпретаций, их смысловой загруженности личными оценками и интересами исследователя не как отстраненного наблюдателя, а как активного участника социального мира в экспликации процесса конструирования интерпретаций. Именно эта процедура и лежит в основе психологического анализа продуктов речевой и коммуникативной деятельности автора информационного материала [25].

Феноменологический анализ

Данный подход основан на знании психологических феноменов коммуникации, структуры и особенностей социально-психологических явлений (социальной установки, социальных представлений, социальных стереотипов, межличностной аттракции, индивидуальной и групповой идентификации, групповых феноменов и др.) [26]. Он позволяет выявлять и учитывать эти важные явления при экспертной оценке исследуемых материалов, обогащает лингвистический анализ материалов и позволяет преодолеть его ограничения.

Феноменологический подход включает важное понятие *интенциональности* как направленности сознания говорящего (участника коммуникации) на определенный предмет в момент речи, в актуальной ситуации общения (коммуникации) [27] и как «на-

правленности на цель» (интенциональный аспект анализа действия (деятельности) по А.А. Леонтьеву, выяснение цели действия (*vs.* операционный аспект – анализ способа осуществления действия [16, с. 183–184]). Интенциональность имеет отношение как к непосредственной коммуникации (так называемому живому общению), так и опосредованной коммуникации (с использованием живой [не отредактированной] речи коммуникантов, а также подготовленной речи) [28].

Интенциональность как свойство информационных материалов, исследуемых в контексте правоприменения, связана с их направленностью на адресата, даже когда это не конкретный человек, а неограниченный круг лиц, неопределенная аудитория (при публичной и массовой коммуникации). Любая речь в процессе коммуникации или информационный материал имеют своего адресата. Он может быть непосредственным или опосредованным, в качестве него может выступать сам автор/говорящий (например, дневниковые записи, заметки). Сегодня такие материалы могут быть как текстовыми, так и мультимедийными, электронными, цифровыми. Образ адресата всегда присутствует у автора и отражается в его речи (тексте) или коммуникативных действиях, поэтому важным свойством исследуемых объектов является их *диалогичность* [29]. Диалогические характеристики значимы для понимания природы дискурса.

Дискурсивный подход

Исследуемые экспертом материалы, фиксирующие реальную коммуникацию, включены в социальное взаимодействие в определенном социальном и культурном контексте и в определенных социальных обстоятельствах, условиях, задающих правила или традиции взаимодействия людей, в рамках определенного дискурса.

Дискурс (от позднелат. *discursus* – рассуждение, довод, беседа) определяется как «связный текст в совокупности с социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания»⁵. В содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте и рассматривается

⁵ Арутюнова Н.Д. Дискурс / Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). <https://bigenc.ru/sociology/text/1958366>

как целенаправленное социальное действие, участвует во взаимодействии людей, вследствие чего по своей организации он диалогичен, интерактивен. Дискурс различается по типу институализации (например, профессиональный, политический, религиозный, (экономический). Он также существует вне институций в виде разговорных практик разного рода (повседневный, рекреационный, телефонный дискурс и др.) [30].

Факторы, которые определяют дискурс, и которые необходимо учитывать при исследовании, в целом делят на лингвистические и экстралингвистические (ситуационные, прагматические, социокультурные, психологические, социальные и пр.). С лингвистической точки зрения структура дискурса близка к структуре текста⁶, за исключением аспектов, обусловленных устным воспроизведением речи, и имеет разные уровни: макроструктуру (глобальную) и микроструктуру (локальную) [31].

В психологии дискурсивный подход исходит из предположения, что любые культурные и социальные феномены, характерные для данного исторического этапа, обладают свойством целостности. Наиболее значимыми аспектами философских определений дискурса выступают признание языковой природы, герменевтической структуры и онтологическо-конструирующей функции [23, с. 101]. На статус полноценной социально-психологической теории претендует теория дискурса Рома Харре, в которой этот процесс представляется «важнейшей составляющей коммуникативного процесса, центральной человеческой активностью, предполагающей рассуждение и обсуждение по поводу некоторой проблемы» [там же, с. 102]. Интенциональные характеристики различных видов дискурса как «взаимодействия в определенном социокультурном контексте» изучаются в рамках интен-анализа, который разрабатывает психологическую типологию интенций для конкретного изучаемого дискурса – политического, семейного, массмедийного, студенческого [32].

Субъективная доступность

При исследовании информационного материала, используемого в публичном пространстве (в условиях публичной или массовой коммуникации), следует исходить из *принципа субъективной доступности по-*

слания (сообщения) адресату – доступности его распознавания и декодирования. Выражение в речи интенций говорящего всегда организовано таким образом, чтобы быть понятными слушающему. В ином случае смысл коммуникации будет утрачен, поскольку она всегда целенаправленна, ее цель – достижение определенного результата, обмен информацией, воздействие на адресата.

Пропагандистские и агитационные (например, «экстремистские») материалы должны быть понятны, доступны массовой аудитории, без понимания их адресатом они теряют свой смысл. Этот принцип отмечает Г.Я. Солганик применительно к массовой коммуникации и языку медиатекстов: «Массовая коммуникация ведет к отказу от индивидуальных, уникальных средств выражения, которые могут быть непонятны массовой аудитории (узкоспециальные слова, архаизмы, варваризмы, индивидуальная образность и т. п.), массовая информация ориентируется на усредненную языковую норму» [33].

Выраженные в языке интенции должны быть понятны слушающим, эта понятность по существу является целью говорящего (не исключая определенной размытости или неясности их понимания [34]), что определяет возможность субъективной оценки интенций говорящего исследователем, но не на бытовом, а на экспертном уровне – с позиций психосемантического подхода. Л.В. Ухова подчеркивает: «Способ анализа этих материалов скорее психосемантический по своей природе. Он основан на том тезисе, что языковые формы вырабатываются в жизненной практике людей как общеупотребительные конвенциональные высказывания, предназначенные для того, чтобы слушающие понимали стоящие за ними интенции говорящего. Соответственно с этим получаемые результаты позволяют делать заключения об интенциональных процессах, составляющих основу анализируемых речевых материалов. Исследователь получает данные об интенциональных установках говорящего, их зависимости от темы и условий обсуждения, об индивидуальных вариациях психологических установок, зависимости от ситуации общения и др.»⁷.

⁶ См., например: Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс / Он-лайн Энциклопедия «Крыгосвет». http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html

⁷ Ухова Л.В. Речевые средства реализации авторского намерения в жанре телеинтервью (на материале программ К. Прошутинской «Мужчина и женщина» и А. Караулова «Момент истины»). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001. 21 с.

Приоритет направленности

Еще одним принципом исследования является *приоритет* выявления *направленности материала* перед выявлением приемов воздействия на адресата. Приемы речевого и психологического воздействия являются лишь средством формирования определенных представлений, стереотипов и установок у адресата.

Установление направленности ИМ, важность которого определяется формальным составом норм, регулирующих так называемые речевые правонарушения, не может быть подменено выявлением приемов речевого и психологического воздействия. Невозможно установить и реально оказанное воздействие на неограниченную аудиторию (адресата) как неопределенный круг лиц. Это связано с тем, что воздействие материала на адресата индивидуально, вариативно, зависит от личности воспринимающего субъекта, его мировоззрения, установок, представлений и прочих индивидуальных особенностей.

Предусмотреть все вероятные эффекты влияния невозможно, а применение в судебной экспертизе социологических и социально-психологических экспериментов является негодным средством установления реального влияния информационного материала на адресата [35].

Герменевтический метод

Существует много определений данного метода, наиболее простое из них трактует герменевтику как искусство и теорию истолкования текстов. Более сложное понимание герменевтики заключено в ее определении как теории и методологии исследования общества, человека, культуры, выдвигающей в качестве основного способа познания интерпретацию и понимание смыслового содержания различных социально-гуманитарных феноменов.

Фридрих Шлейермахер (F. Schleiermacher) [36] видел цель герменевтики в прояснении условий возможности понимания документов, любой из которых есть, с одной стороны, часть общей системы языка, с другой – продукт творчества некоторого индивида. Он выделял в тексте предметно-содержательный и индивидуально-личностный аспекты и полагал, что постижение смысла текста, заложенного в него автором, важнее понимания его предметного содер-

жания. Согласно введенному Шлейермахером понятию герменевтического круга для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей необходимо иметь представление о смысле целого⁸.

Шлейермахер различал процедуры интерпретации текста: «компаративные» предполагали соотнесение текста с языковым и историческим контекстом (актуально при судебно-психологических и психолого-лингвистических исследованиях); «дивинаторные» опирались на творческое воображение, эмпатию и предполагали интуитивное постижение смысла произведения. Эксперт не может полагаться на интуитивное осмысление текста, он должен выявить и обосновать заложенные в нем значения и смыслы. Вместе с тем не обладая интуитивностью, формирующейся в процессе опыта, хорошим знанием и пониманием различных контекстов и типов дискурса, эксперт может упустить некоторые исследовательские гипотезы.

Универсальная герменевтика систематизирует методологию интерпретации и понимания любых текстов безотносительно их дисциплинарной принадлежности, а специальная герменевтика вырабатывает специфические приемы истолкования юридических, сакральных текстов и сочинений религиозных авторитетов прошлого, феноменов культуры и др. Истолкование текстов, созданных в иную культурно-историческую эпоху, невозможно без выявления их связи с социокультурным контекстом. Созданный в прошлом текст должен рассматриваться с позиций актуального для периода его создания исторического, социального, научного и иного гуманитарного контекста. Воспринимаемые с современных воззрений тексты прошлого (например, труды Ленина, Троцкого, плакаты и листовки времен «воинствующего атеизма») могут быть оценены как предсудительные и даже незаконные.

Критериально-ориентированный подход

Проводимый экспертом анализ объекта опирается на определенные критерии, подчинен цели установления наличия или

⁸ Малахов В.С. Герменевтика / Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
<https://bigenc.ru/philosophy/text/2355543>

отсутствия определенных искомым признаков и последующее их соотнесение с критериями экспертных оценок. Например, при выявлении «экстремистского» значения нет необходимости устанавливать все выраженные в информационном материале смыслы (эксплицитные и имплицитные, обязательные и факультативные, вербализуемые и невербализуемые).

Критериально-ориентированный анализ позволяет не только оптимизировать процесс исследования, но и объективировать, операционализировать его. Применительно к исследованию спорных ксенофобских текстов на основании системы признаков возбуждения национальной, расовой и религиозной вражды и нетерпимости⁹ А.Р. Ратиновым, М.В. Крозом и Н.А. Ратиновой были разработаны критерии оценки смысловой направленности материала – выделены три группы критериев: ложная идентификация, ложная атрибуция и мнимая оборона [37]. Предложенные Д.А. Леонтьевым критерии оценок в виде операциональных индикаторов выражения смыслового содержания (обобщений, объяснений [атрибуций], предписаний и запретов) основаны на отражении в текстах определенных ценностей, смыслов и эмоциональных отношений автора. Эти индикаторы выражаются не отдельными словами, а целостными лексическими единицами, служащими определенным коммуникативным намерениям, что сильно ограничивает возможности их выявления средствами монодисциплинарного лингвистического анализа [38].

Критериально-ориентированный подход положен в основу методики проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [25]. Был предложен трехкомпонентный комплексный психолого-лингвистический анализ выявления признаков «экстремистских значений», основанный на семантической структуре высказывания, и разработаны диагностические комплексы признаков семи основных «экстремистских значений», включающие шесть групп признаков на трех уровнях (по лингвистическому и психологическому блокам).

Каждый из трех обязательных компонентов значения требует отдельного анализа. В связи с этим необходим анализ трех типов: 1) предметно-тематический (о ком/чем и что именно говорится); 2) оценочно-экспрессивный (как оценивается то, о чем говорится, и какие эмоции у автора вызывает); 3) целевой (зачем говорится).

Предложенный подход и диагностические комплексы применялись также при решении задач, не связанных с выявлением «экстремистских значений», а затем они легли в основу экспертных методик по их решению [39, 40].

Данная идея нередко заимствуется и другими авторами (вне системы судебно-экспертных учреждений Минюста России), в том числе с исключением психологических компонентов значения. Это может привести к неверной оценке свойств объекта и экспертной ошибке при исследовании «экстремистских материалов», поскольку исключение информативных, диагностически значимых психологических признаков, находящихся в комплексе с лингвистическими признаками и взаимосвязанными с ними, нарушает принцип системности анализа.

Заключение

Методологической основой нового направления судебной психологической экспертизы – психологического исследования информационных материалов – является методология судебной экспертологии, общая методология СПЭ как подкласса судебной экспертизы, а также методологические подходы и принципы, обусловленные особенностями объектов исследования и решаемых экспертных задач.

Наряду с общенаучным (системно-структурным анализом) и частными методическими подходами (дискурсивным, коммуникативным, феноменологическим, герменевтическим и мотивационно-целевым видами анализа) при судебно-экспертном психологическом исследовании ИМ должны соблюдаться методологические принципы критериально-ориентированного мотивационно-целевого анализа и экспертные методики решения типовых задач.

При психологическом исследовании информационных материалов разработка методологических принципов базируется на системно-структурном подходе, деятельностном подходе к исследованию общения и коммуникативного взаимодействия меж-

⁹ Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия» от 09.12.95 № 7/4-1-1557/95. С. 7–8.

ду людьми, феноменологическом и герменевтическом подходах и др.

В условиях стремительного развития информационных технологий, опосредствующих общение, методы психологического исследования должны соответствовать общим правовым и научным требованиям

законности, научности, объективности, валидности, надежности. Они должны быть адекватны современным средствам социальной коммуникации и информационно-коммуникативной и социальной среде общения, а также культурно-историческим реалиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. 456 с.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2008. 486 с.
3. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. 181 с.
4. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 10–18.
5. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 379 с.
6. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2 (39). С. 39–45. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
7. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 11–17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>
8. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: URSS, 1997. 444 с.
9. Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория / Под ред. Ю.Г. Корухова. М.: РФЦСЭ, 1997. 430 с.
10. Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов в системе научного знания // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 3. С. 6–16. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-6-16>
11. Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2014. 631 с.-

REFERENCES

1. Smirnova S.A. (Ed.). *Multimodal Edition "Forensic Science. Reboot". Part 2. Dictionary of Forensic Science*. Moscow: Ekom, 2012. 456 p. (In Russ.).
2. Aver'yanova T.V. *Forensic Science. The Course of General Theory*. Moscow: Norma, 2008. 486 p. (In Russ.).
3. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic Expertology (General Theoretical and Methodological Problems of Forensic Examinations)*. Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1979. 181 p. (In Russ.).
4. Rossinskaya E.R. Modern Judicial Expertology – the Science of Forensics and Forensic Activities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 4 (40). P. 10–18. (In Russ.).
5. Safuanov F.S. *Forensic Psychological Examination. Textbook for Academic Bachelor's Degree*. 3rd ed. Moscow: Yurait, 2021. 379 p. (In Russ.).
6. Safuanov FS. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2 (39). (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
7. Smirnova S.A., Usov A.I. Enhancing the Scientific Validity of Methodological Support in Forensic Science: An Important International Trend. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 11–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>
8. Yudin E.G. *The Methodology of Science. Systematic Approach. Activity*. Moscow: URSS, 1997. 444 p. (In Russ.).
9. Korukhov Yu.G. (Ed.). *Fundamentals of Forensic Science. Part 1. General Theory*. Moscow: RFCFS, 1997. 430 p. (In Russ.).
10. Sekerazh T.N. Forensic Psychological Examination of Information Materials in the System of Scientific Knowledge. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 3. P. 6–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-6-16>
11. Arutyunov N.D. *Logical Language Analysis. Information Structure of Texts of Different Genres and Epochs*. Moscow: Gnozis, 2014. 631 p. (In Russ.).

12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Учебное пособие. 2-е изд. М.: Смысл, Academia, 2005. 352 с.
13. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
14. Гулевич О.А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 384 с.
15. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 269 с.
16. Леонтьев А.А. Общее понятие о деятельности / Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 5–20.
17. McQuail D. *Mass Communication Theory*. 6th ed. London: Sage, 2010. 632 p.
18. Косяков В.А., Универсальюк Е.А. Реферативный обзор книги Д. МакКуэйла «Теория массовой коммуникации» (1 часть) // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 3. С. 524–534. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(3\).524-534](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(3).524-534)
19. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Институт психологии РАН, 2013. 368 с.
20. Ананьева К.И., Ануфриев А.Ф., Артемцева Н.Г., Барабанщиков В.А. Системная организация и детерминация психики / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2008. 448 с.
21. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 3. С. 4–17.
22. Хорошилов Д.А., Балашова Е.Ю. Качественные методы в социальной и клинической психологии: пролегомены к междисциплинарному диалогу // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 21–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090303>
23. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Соотношение эпистемологической и эмпирической сторон качественного исследования // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 3. С. 96–105.
24. Ойзерман Т.И. Метафилософия: теория историко-философского процесса. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. 440 с.
25. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секе-раз Т.Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2014. 98 с.
26. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. 324 с.
12. Leont'ev A.N. *Activity. Mind. Personality. Textbook*. 2nd ed. Moscow: Smysl, Academia, 2005. 352 p. (In Russ.).
13. Vygotskii L.S. *Collected Works in 6 Vol. Problems of General Psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982. 504 p. (In Russ.).
14. Gulevich O.A. *Psychology of Communication*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2008. 384 p. (In Russ.).
15. Dridze T.M. *Textual Activity in the Structure of Social Communication. Problems of Semiosociopsychology*. Moscow: Nauka, 1984. 269 p. (In Russ.).
16. Leont'ev A.A. General Concept of Activity. In: Leont'ev A.A. (Ed.). *Fundamentals of the Theory of Speech Activity*. Moscow: Nauka, 1974. P. 5–20. (In Russ.).
17. McQuail D. *Mass Communication Theory*. 6th ed. London: Sage, 2010. 632 p.
18. Kosyakov V.A., Universal'yuk E.A. Summary of the Book by D. MacQuail "Theory of Mass Communication" (Part 1). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2019. Vol. 8. No. 3. P. 524–534. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(3\).524-534](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(3).524-534)
19. Latynov V.V. *Psychology of Communication Impact*. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2013. 368 p. (In Russ.).
20. Anan'eva K.I., Anufriev A.F., Artemtseva N.G., Barabanshchikov V.A. (Ed.). *Systematic Organization and Determination of the Psyche*. Moscow: IP RAN, 2008. 448 p. (In Russ.).
21. Mel'nikova O.T., Khoroshilov D.A. Methodological Principles of Qualitative Research in Psychology. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 14. Psychology*. 2013. No. 3. P. 4–17. (In Russ.).
22. Khoroshilov D.A., Balashova E.Yu. Qualitative Methods in Social and Clinical Psychology: Prolegomena to Interdisciplinary Dialogue. *Social Psychology and Society*. 2018. Vol. 9. No. 3. P. 21–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090303>
23. Melnikova O.T., Khoroshilov D.A. Relation of Epistemological and Empirical Sides of Qualitative Research. *Methodology and History of Psychology*. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 96–105. (In Russ.).
24. Oizerman T.I. *Metaphilosophy: Theory of the Historical and Philosophical Process*. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitatsiya, 2009. 440 p. (In Russ.).
25. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Methodology of Conducting a Forensic Psychological and Linguistic Examination of Materials in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.).
26. Andreeva G.M. *Social Psychology. Textbook for Higher Educational Institutions*. Moscow: Nauka, 1994. 324 p. (In Russ.).

27. Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д. Ведение политических дискуссий: Психологический анализ конфликтных выступлений. М.: Академия, 1995. 145 с.
27. Ushakova T.N., Latynov V.V., Pavlova A.A., Pavlova N.D. *Conducting Political Discussions: Psychological Analysis of Conflict-Prone Performances*. Moscow: Akademiya, 1995. 145 p. (In Russ.).
28. Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А., Павлова Н.Д. Дискурсивная реальность интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 92–100. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-92-100>
28. Grebenshchikova T.A., Kubrak T.A., Pavlova N.D. Discursive Reality of the Internet. *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Psychology*. 2020. No. 1. P. 92–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-92-100>
29. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
29. Bakhtin M.M. *The Issue of Speech Genres. Esthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1979. P. 237–280. (In Russ.).
30. Карасик В.И. О типах дискурса / Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
30. Karasik V.I. On the Types of Discourse. *Language Personality: Institutional and Personal Discourse. Collection of Scientific Works*. Volgograd: Peremena, 2000. P. 5–20. (In Russ.).
31. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ., под ред. В.И. Герасимова. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
31. Van Deik T.A. *Language. Cognition. Communication* / Transl. from English, ed. V.I. Gerasimov. 2nd ed. Moscow: LENAND, 2015. 320 p. (In Russ.).
32. Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д. Интент-анализ и другие методы исследования речи в психологии // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 4 (37). С. 56–63.
32. Grebenshchikova T.A., Pavlova N.D. The Intent Analysis and Other Methods for Speech Study in Psychology. *Current Issues of Psychological Knowledge*. 2015. No. 4 (37). P. 56–63. (In Russ.).
33. Солганик Г.Я. К определению понятия «текст» и «медиа-текст» // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15.
33. Solganik G.Ya. How to Attribute Text and Media Text. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 10. Journalistics*. 2005. No. 2. P. 7–15. (In Russ.).
34. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 279 с.
34. Znakov V.V. *The Psychology of Understanding the Truth*. Saint Petersburg: Aleteiya, 1999. 279 p. (In Russ.).
35. Кроз М.В., Ратинова Н.А. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1. С. 35–42.
35. Kroz M.V., Ratinova N.A. Combating Extremism the Wrong Way: Legal, Psychological and Ethical Aspects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. No. 1. P. 35–42. (In Russ.).
36. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом. 2004. 242 с.
36. Shleiermakher F. *Hermeneutics* / Transl. from Germ. A.L. Vol'skii. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom. 2004. 242 p. (In Russ.).
37. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М.: Юрлитформ, 2005. 256 с.
37. Ratinov A.R. (Ed.), Kroz M.V., Ratinova N.A. *Responsibility for Inciting Enmity and Hatred. Psychological and Legal Characteristics*. Moscow: Yurlitform, 2005. 256 p. (In Russ.).
38. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза. Методология и смысл. М.: Смысл, 2008. С. 42–66.
38. Leont'ev D.A., Ivanchenko G.V. *Comprehensive Humanitarian Expertise. Methodology and Sense*. Moscow: Smysl, 2008. P. 42–66. (In Russ.).
39. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92–98. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2016-1-92-98>
39. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. Methodology of Forensic Linguistic Analysis in Criminal Insult Investigations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 1 (41). P. 92–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-92-98>
40. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И., Акуленко Е.В., Бойцов А.А., Губаренкова Е.О., Крюк Е.К., Кумкова Т.Н., Пор-
40. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I., Akulenko E.V. Boitsov A.A., Gubarenkova E.O., Kryuk E.K., Kumkova T.N., Portnova V.B., Chu-

тнова В.Б., Чумакова Е.Н. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.

makova E.N. *Semantic Analysis in Forensic Linguistics. Handbook*. Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Секераж Татьяна Николаевна – к. юр. н., доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Статья поступила: 09.08.2021

После доработки: 25.09.2021

Принята к печати: 10.10.2021

Received: August 09, 2021

Revised: September 25, 2021

Accepted: October 10, 2021